

АЛЕКСАНДР
ПРОХАНОВ

ВОЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ВОСТОКОВЕД

|| р о м а н ||

Военная коллекция

Александр Проханов

Востоковед

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Проханов А. А.

Востоковед / А. А. Проханов — «Центрполиграф»,
2016 — (Военная коллекция)

ISBN 978-5-227-07029-6

В новом романе Александра Проханова – кровавая карусель на Ближнем Востоке: боевые организации террористов, тайная война в Ливийской пустыне, взорванные мечети Ирака, падающие самолеты. Русский разведчик «набрасывает намордник» на этот ревущий ад, чтобы мир не погиб...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-07029-6

© Проханов А. А., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Андреевич Проханов

Востоковед

© Проханов А.А., 2016

© «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

Глава 1

Леонид Васильевич Торобов всю ночь в своем одиноком коттедже слышал, как падает снег. За ночными стеклами шелестело, двигалось, оседало. Невесомо ложилось на березы, ели, безлистые яблони. И он сквозь сон радовался снегопаду, предвкушая утреннюю белизну. После мимолетных пробуждений он забирал этот падающий за окнами снег в свои сновидения. Снег продолжал идти над Ливийской пустыней, покрывал черные бурьяны, и верблюды задирали губастые головы, нюхая небо. Снегопад бушевал над кромкой Средиземного моря, волнуя фиолетовую воду, палестинские рыбаки на остроносых лодках плыли в снегопаде, и в метели, как тени, туманились израильские военные катера. Снег падал на зеркальную мечеть в священном городе Кум, и черные спины молящихся были в снежных пополах. Снег сыпал на Бейрут, по которому катили грузовики с автоматчиками, и один, замотанный до бровей в клетчатый платок, пропадая в пурге, воздел сжатый кулак. Снег летел над лазурным Босфором, военный корабль с гранеными орудийными башнями плыл в окружении цветных пароходиков, и вдруг пахло ароматом роз, алые цветы были полны влажного снега. Белые хлопья сыпались на раскаленную желтизну аравийских песков, квадроциклы расшвыривали барханы, песчинки жгли щеки, а губы жадно хватали прохладную сладость небес.

Торобов проснулся, выпадая из душевного сна. Белоснежное окно с рогатыми яблонями, и на ветках, повторяя каждый сучок и изгиб, волнистая, как пух, бахрома.

После шестидесяти, выйдя в отставку, распрощавшись с сослуживцами, нанеся прощальный визит руководству, он порвал с прошлым, напроць, навсегда. Замуровал прошлое в своей изнуренной, изрытой памяти. Надвинул на него чугунную плиту, литую крышку. Заварил края, закрутил болтами. Так задраивают аварийный отсек подводной лодки, где бушует ядовитый пожар. Так нахлобучивают стальной колпак на взорванный реактор, удерживая смертоносные излучения. Постепенно крышка покрывалась мхами, заносилась пылью, становилась невидимой, лишь иногда под ней что-то глухо вздыхало, и в снах над разрушенными городами полыхали зарницы.

Он больше не раскрывал стеклянный шкаф, где хранились военные атласы, книги именитых востоковедов, этнографические альбомы и справочники с перечнем арабских племен, месторождений нефти, американских военных баз. Он доставал книги из маленькой тумбочки с резными колонками и узорной дверцей – все, что уцелело от убранства старинного дома. В тумбочке сохранилось несколько книг его детства и молодости. Он открывал эти книги, сладостно вчитываясь в полузабытые строки. Губы, шепотом выговаривая волшебные слова, звали к себе любимых, которых уже не было с ним. Стихи испускали таинственное излучение, на котором он уносился в дивную даль, где любил, был любимым. Это были свидания, во время которых он окружал нежностью и обожанием тех, кого не успел областить и взлелеять при жизни.

Три женщины – бабушка, мама и жена, – уходя одна за другой, оставляли негаснущий свет, в котором он жил, сберегая себя среди чудовищных вихрей тьмы. «Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю». «Скажите мне, что может быть прекрасней дамы петербургской». «Цветы опадают, и горный ручей серебрится».

Он перелистывал книги минувших лет, и глаза начинали блестеть от слез.

Теперь он жил один. Дети выросли и обзавелись семьями. Он не часто встречался с ними. Они медленно, с годами, от него удалялись, и их связывало тепло, которое соединяет родные души и не требует частых свиданий.

Он был высок, худощав, с сухими подвижными мышцами. Его лицо с выпуклыми надбровьями, прямым крепким носом и узкими губами было одинаково смуглым зимой и летом, словно хранило загар горячих пустынь и удары бесчисленных острых песчинок. В серых гла-

зах зоркий тревожный блеск, который угасал под плотными веками, чтобы через мгновение вспыхнуть в расширенных от волнения зрачках. Причиной волнения могла быть внезапная мысль, или случайный образ, или хруст снега от чьих-то быстрых женских шагов, обманчиво родных и желанных.

Теперь, в белизне зимнего утра, он небрежно натянул тесный поношенный полушубок, нахлобучил высокую кожаную шапку, отороченную лисьим мехом, которую жена называла боярской. Сунул в карман мобильник и вышел в сад.

Белизна была восхитительной и пугающей своей целомудренной чистотой. Снег пышными подушками лежал на столе и стульях, забытых в саду с осени. Черные ели с малиновыми шишками опустили к земле ветви и казались сутулыми, нагнувшими плечи под тяжестью белых тюков. Любимая сосна молитвенно воздела руки с перстами, держала в объятиях огромный шар снега. Березы казались нарисованными на небе белым. В вершинах, где еще недавно сверкала мартовская лазурь, дышал изумрудный майский туман, блестя в июльских дождях зеленые водопады, осыпались, как позолота с иконы, осенние листья, – теперь в вершинах была пустота, сбросившая свое белое бремя на землю, облегченно и тихо дышащая.

Торобов сделал по снегу несколько пугливых шагов, как осторожный зверь, пробуя стопами белую непрочную мякоть. Отпечатки вытягивались в вереницу, и он подумал, что, оставляя свои следы, он виден тому, кто смотрит на него из небес. Кто вывел его из дома в сад, собираясь поведать что-то простое и дивное. То, что обещал поведать в детстве, но почему-то пропал из вида, скрывался целую жизнь.

Это предвкушение было чудесным, детским, наивным. Было связано с новогодней елкой, волшебными шарами, стеклянной сверкающей пикой. С детскими сказками, русскими равнинами, где волнистые снега, санный путь, сусальное золото, голоса любимых и близких. И в этих снегах, среди любимых голосов, ему предстоит бесконечная жизнь, в которой он делает теперь на снегу свои первые шаги.

Торобов стоял среди сухих гортензий с высохшими цветами, на которых высились белые колпаки снега. Чувствовал, как что-то приближается, становилось просторней в груди, открывалось пространство для небывалого чувства.

Сойка прилетела из леса и села в березу. Сверкнула ослепительной лазурью крыла. Сидела на ветке, чуткая, пугливая, поглядывая на Торобова острым глазком. Он замер от восхищения, любясь ее розово-сизой грудкой, сжатыми крыльями, в которых таилась райская лазурь, подобная той, что пламенеет на рублевской Троице, рождает несказанное счастье. Он чувствовал близость сидящей на ветке птицы. Ее маленькое дышащее сердце, горячую жизнь среди прохладных снегов. Мимолетность ее пребывания в березе, драгоценность этих секунд, когда их жизни слились в одну и он, соединившись с птицей, соединился с божественной тайной, ради которой вышел в заснеженный сад. Пугался, что сойка улетит, их жизни распадутся и ему не откроется тайна. Всей своей душевной силой, всей молитвенной волей он удерживал птицу на ветке, продлевал их единство. Но птица начинала взлетать, бросалась в пустоту, распахивая на крыле божественную синеву. Лазурь брызнула ему в сердце, наполнила нестерпимой болью исчезающего счастья. Сойка улетала, роняя с ветки белый комочек снега. А Торобов, обессилев, поскользнулся и падал, приближался лицом к сухим цветам гортензий с колпаками голубоватого снега.

Он падал и в падении слышал, как в кармане полушубка зазвонил телефон. Этот внезапный звук остановил падение. Торобов удержался на ногах, сломав сухой стебель гортензии.

Голос в телефоне был вежлив, холоден:

– Леонид Васильевич, с вами говорит порученец генерал-лейтенанта Строганова. Федор Федорович просит вас приехать.

– Разве Федор Федорович забыл, что я в отставке? – Торобов сжимал в кулаке телефон, из которого раздавался голос, и ему захотелось стиснуть кулак, придушить голос, задавить эти отшлифованные, властные звуки.

– Федор Федорович просит, чтобы вы приехали. – Голос был спокойный, гладкий, как хорошо полированная деталь, работающая в отлаженном механизме. В том, в который прежде был встроен Торобов.

– Почему Федор Федорович обо мне вспомнил?

– Мне неизвестны намерения руководства. Шофер приедет за вами через полтора часа.

Торобов что есть силы сжал в кулаке телефон, но голос успел ускользнуть, оставив после себя затихающий пунктир звуков.

Торобов стоял на снегу, слыша, как дрожит земля. Чугунная крышка, привинченная болтами, сорвала резьбу, сдвинулась с места. Из-под нее была жаркая, ядовитая сила, излетали духи. Танковая колонна шла по горной дороге, и уже горел передовой «Меркава», оператор с кровавым бинтом на лбу вел трубу, наводя «Корнет» на второй выползающий танк, и по всей горе вставали голубые дымы разрывов. Духи, вылетающие из-под чугунной плиты, облекаясь в броню боевых машин, в шелка арабских одежд, в тоскливый крик муэдзинов, – эти духи обступали его. Торобов растерянно стоял на снегу под березой, из которой улетела волшебная сойка.

Через час БМВ с номерами разведки мчала его по дымной Кольцевой. Шофер, думая, что делает пассажиру приятное, включил мелодичную негромкую музыку.

Глава 2

Приемная, где Торобов не был несколько лет, преобразилась. Обрела фешенебельный вид, напоминала салон. Мягкие стулья с гнутыми спинками. Удобный диван с небрежными морщинами кожи. Журнальный столик с кипой иностранных журналов, призванных скрасить ожидание. Просторный стол, уставленный мониторами, селекторами, телефонами. На стене широкая плазма мерцала разноцветными беззвучными изображениями. Несколько посетителей ожидали приема с напряженными спинами, словно не замечали друг друга.

Навстречу Торобову поднялся помощник и любезным, бесстрастным голосом безупречного подчиненного произнес:

– Генерал ждет вас.

Отворил тяжелую, из дорогого дерева дверь, пропуская Торобова в кабинет. И вид этого огромного кабинета, знакомого, сохранившего свое старомодное убранство, взволновал Торобова. Словно в этих стенах остановилось великое время, не подверженное порчам и роковым разрушениям. Все те же смуглые панели, впитавшие дым исчезнувших Табаков. Тяжеловесный стол под зеленым сукном, на котором мерцали хрустальные кубы чернильницы и темнели пятна давнишних чернил. Лампа под зеленым абажуром с латунной каймой, в которую были врезаны пятиконечные звезды. В высоком шкафу с потускневшими стеклами неясно краснели тома с сочинениями основателя государства.

И только на стене висел портрет сегодняшнего президента, а не вождя с вишневой трубкой, дым из которой, казалось, сгустился в дальних углах кабинета.

Генерал поднялся из-за стола, в сером костюме и галстук с крупным модным узлом, пошел навстречу Торобову. И пока шел, Торобов заметил, как за годы, что они не виделись, усохло и осунулось его лицо, легкие трещинки окружили глаза, от губ к подбородку стекли две темные морщинки – ручейки близкой старости. Но лицо, как и у Торобова, оставалось смуглым от несмываемого загара пустынь, ударов сухих колючих песчинок.

– Товарищ генерал-лейтенант, полковник Торобов прибыл по вашему приказанию, – полусерьезно он щелкнул каблуками.

– Здравствуй, Леня.

– Здравствуй, Федя.

Они обнялись, и Торобов почувствовал, как дрогнуло в его объятиях сухое тело Строганова и тот чуть слышно вскрикнул от боли.

– Плечо, не отпускает который год, – виновато произнес генерал, массируя сухожилие.

– Все та же йеменская контузия? Я думал, она тебя отпустила.

– То легче, то ночами кричу. Клиники, врачи, целебные грязи, массажи. Даже к колдуну обращался. Здесь нашелся один ливиец, который лечит песком Сахары. В кожаный мешочек сыплет горячий песок и прикладывает к плечу. Говорит, что песок сохраняет силу солнца. И мне, не поверишь, это помогает.

– Поезжай в Сахару и заройся в бархан.

– Я теперь, Леня, зарылся в такой бархан, из которого, похоже, не вылезу. Садись.

Они сидели на тяжеловесных стульях с высокими дубовыми спинками, на которых были вырезаны гербы исчезнувшего государства.

– Зачем меня вызвал? Я от всего отошел. Все забыл. Ничего не хочу знать. Вчера читал Пушкина, «Сказку о золотом петушке».

– А о чем сказка-то, Леня? Куда петушок ни глянет, везде враждебная рать. Труба зовет.

– Меня не зовет. Руководству было угодно отправить меня в отставку. Ушел, и дело с концом.

– Не в отставку, Леня, а в действующий резерв. И то же самое руководство поручило мне вызвать тебя.

– В чем дело?

Строганов молчал, морщил рот, словно ждал, когда созреет на губах нужное слово. На стене жалюзи занавешивали карту Ближнего Востока, и Торобов сквозь тонкие пластины жалюзи видел лоскутную пестроту стран, каждая из которых рождала в нем зрелища городов, оливковых рощ, розовых и синих предгорий. В горячем тумане залива двигались танкеры, клубились рынки, бесновались толпы, сверкали зеленые изразцы минаретов, и он, в белой долгополой рубашке, шаркая сандалиями, шел среди богомольцев, и истошно и пламенно звучал из лазури крик муэдзина.

– Ты, наверное, знаешь, как нелегко принималось решение бомбить ИГИЛ¹ в Сирии. Разведка предупреждала президента, что в ответ последуют террористические акты в Москве, на Кавказе, в Поволжье. Армия и дипломаты настояли на проведении операции, и президент согласился. Спустя несколько дней, ты знаешь, после первых ударов по Алеппо и Хомсу, взорвался наш самолет над Синаем. Двести тридцать пассажиров были первой платой, которую мы заплатили за начало боевых действий. Это был страшный удар по репутации президента. Я видел его на Совете безопасности, он был черный, его лицо ходило ходуном. Он сделал открытое телевизионное заявление, где обещал уничтожить террористов, виновных в гибели самолета. На закрытом совещании он приказал любой ценой найти террористов и истребить их, где бы те ни находились. Как это было в свое время с чеченцами, укрывшимися в Катаре. Тогда это была его личная месть. Теперь он хочет выложить перед народом фотографию с убитым Главарем, совершившим подрыв самолета. Мы знаем характер президента. Мсть должна состояться. Либо руководство в ближайшее время справится с этим, либо полетят все наши генеральские головы. На выявление организатора брошена вся наша агентура на Ближнем Востоке, задействованы все наши связи.

– И что вам удалось узнать? – Торобов слышал, как слабо откликаются на эти слова мгlistые кварталы Каира, пальмовые рощи Кувейта, солнечные предместья Дамаска. В дымах жаровен, в пыли военных колонн, в стеклянных призмах банков чуть слышно трепещут агентурные сети, улавливая прозрачный планктон информации. И он, Торобов, осторожными пальцами поднимает голубую пиалку с чаем, внимая арабскому шейху на вилле в предместье Аммана. – Вы что-нибудь узнали? – повторил он.

– Террористическая группа не имеет постоянной дислокации. Носит кочующий характер. Ее возглавляет бывший майор иракской разведки, который при Саддаме Хусейне был причастен к закупкам вооружений. После падения Саддама сидел в американской тюрьме, был использован ими для создания боевых групп в борьбе с другими группировками. Потом ушел в ИГИЛ.

– Я работал в Багдаде с офицерами иракской разведки, которые занимались поставками вооружений.

– Поэтому я тебя и вызвал. – Строганов потянулся к тоненькой папке, лежащей на зеленом сукне. Извлек фотографию и положил перед Торобовым. – Майор Фарук Низар, каким он был во время твоей командировки в Багдад.

Красивое продолговатое лицо с влажными выпуклыми глазами. Мягкие губы с чуть заметной улыбкой. Пушистые брови. Молодцеватые офицерские усики. То особенное арабское выражение мужественной романтичности и мягкой застенчивости. Это был он, Фарук Низар, с кем сидели на берегу Тигра в рыбной харчевне, золотая рыбина, разрезанная и раскрытая, как книга, запекалась на углях. Воздух был золотой и синий, в тончайших волокнах преда-

¹ Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

тельства, которое витало над Багдадом, над садами, дворцами, мечетями, и солдаты клали на перекрестке мешки с песком, оставляя амбразуру для пулемета.

– Я знаю его. Мы были даже друзьями. Однажды я посетил его дом. У него была милая жена и маленький сын. Неужели он теперь в ИГИЛ? Если хочешь, я могу припомнить подробности нашего общения. Могу попытаться сделать его психологический портрет.

– Этого не нужно. Леня.

– А что же нужно? Зачем ты меня позвал?

Строганов молчал. Морщился его рот. Дрожали у глаз лучистые трещинки. У самолета медленно отламывался хвост, и люди сыпались, как семена из головки мака. Девочка вцепилась в мать, ветер рвал на обеих юбки, и казалось, они танцуют. Младенец летел рядом с люлькой, как крохотная личинка, выставив руки с растопыренными тонкими пальчиками. Старик нырял с развеянной бородой и огромным лбом, на котором держались очки. Юноша с выпученными от давления глазами парил, расставив руки, и вокруг него обмотался газетный лист. Все они летели, осыпались, ударялись о землю, превращались в мокрые кляксы. И горели среди колючек листы алюминия.

Торобов перевертывался в свистящем ветре, стараясь схватить чью-то близкую, с обручальным кольцом руку.

– Зачем ты вызвал меня?

– Руководство считает, что только ты можешь отыскать Фарука Низара и его уничтожить. Тем самым выполнить приказ президента. На тебя будет работать вся агентура. Посольства обеспечат тебя деньгами, паспортами, каналами связи. Но лучше бы ты всем этим не пользовался. По непроверенным данным, Фарука видели недавно в Брюсселе. Ты летишь в Бельгию.

– Я не могу. Я не молод. Не хочу возвращаться к прежнему.

Торобов слышал гул громадной воронки, в которой вращались изувеченные страны и обугленные города, регулярные армии и повстанческие отряды. Турецкая артиллерия била по сирийским горам, громя позиции курдов. Курды взрывали в Стамбуле рестораны и рынки. Растерзанная Ливия походила на тушу с окровавленными костями. Ирак озарялся факелами взорванных нефтепроводов. Ливан посылал отряды Хизбаллы под Алеппо, получал назад завернутые в саваны трупы. Русская авиация взлетала из Латакии, взрывала ИГИЛ, и отряды Джабхат-ан-Нусра жгли христианские храмы. Агенты спецслужб сновали по воюющим странам, проводя караваны с оружием, устраняя неудобных правителей. Ближний Восток был похож на огромный котел, в котором пузырилось жирное варево, всплывали обрубки стран, раздробленные кости городов, гибнущие в муке народы. Это бурлящее варево затягивало в себя Торобова, и он, слабея, падая в котел, прошептал:

– Я смертельно устал. Не хочу. Не могу возвращаться к прошлому.

– Это приказ, полковник.

На спинках дубовых стульев были вырезаны гербы государства. В хрустальных кубках чернильницы застыли старинные радуги. У потолка в далеком углу сгустился дым из вишневой трубки. Сойка взлетала, брызнув нестерпимой лазурью. Опустелая ветка еще продолжала дрожать.

Глава 3

Торобов спустился в тир, где не был несколько лет. Здесь устойчиво пахло ружейным маслом, металлом, сладковатой пороховой гарью и еще чем-то, едва уловимым, что, быть может, являлось запахом расстрелянной плоти. «Оружейник» Семеныч встретил его так, словно не заметил многолетнего отсутствия. Длиннорукий, с шершавым лицом, по которому прошелся рашпиль и оставил железные заусеницы, он тут же сообщил о постигшем его несчастье:

– У меня, Леонид Васильевич, кот помер, Тиша. От старости. Пятнадцать лет жил. Утром подхожу, не дышит. Места себе не найду. Из чего будем стрелять?

Торобов выбрал американский пистолет «ФНС», итальянскую «Беретту» и русский «ПМ». Семеныч принес ящик с оружием, выставил мишени, положил перед Торобовым наушники:

– Да я вам говорил про кота. Тишей звали.

Торобов, плавно напрягая руку, поднял «ФНС», ловя в прицел мишень с черной головой и сутулыми плечами. Складывал геометрическую фигуру из линии ствола, сухожилий плеча, мерцающего зрачка и остановившегося в груди сердца. Лицо майора Фарука Низара с улыбкой и франтоватыми усиками проступило из черной мишени. И Торобов, прекратив дышать, разрядил обойму, после каждого выстрела совмещая ствол с мягкими губами майора, дырявя его пушистые брови, влажные мечтательные глаза. Опустил пистолет, передернув затвор.

Семеныч подтянул мишень, рассматривая в бумаге пробоины. Ни одной в голову, одна в шею, остальные не попали в контур.

– Рука забыла, – произнес Семеныч, помещая в зажимы другую мишень.

«Беретта» удобно легла в ладонь. Лицо майора Фарука Низара смотрело влажными задумчивыми глазами, мягкие, как у оленя, губы чуть улыбались, краснели на мундире нашивки, золотилась кокарда. Торобов остановил дыхание, чувствуя, как медленно взбухает в груди сердце, и утопил крючок. Пистолет прогрохотал, отщелкивая гильзы. Торобов, отложив ствол, смотрел, как приближается мишень. Одна пуля прибила голову, две угодили в шею, и остальные прострелили тело.

– В руке тоже ум есть. Она думать должна. – Семеныч менял в зажимах мишень.

Торобов вспомнил, как Фарук Низар принимал его в своей солнечной уютной квартире. Белая рубаша апаш, волнистые с синим отливом волосы, на столе на узорном блюде стеклянный дышащий плов, жена Фарука, чернобровая красавица с восхитительным, как в восточной сказке, лицом, в соседней комнате шумно играет сын. И в эти сияющие лица, в цветастое блюдо с пловом, в солнечный весенний Багдад с рынками, жаровнями, зелено-голубыми мечетями Торобов целил «ПМ». С каждым выстрелом удалялся от снежных берез, волшебной сойки, неразгаданной тайны, на которую указал ему Господь и которую ему не дано разгадать.

– Стрельбу окончил. – Торобов отложил оружие.

– Уже лучше, Леонид Васильевич, уже лучше, – радовался Семеныч, показывая черный круг головы, взлохмаченный попаданиями.

– Спасибо, Семеныч, – Торобов совлекал наушники, – горе твое разделяю. Тиша был славным котом. Второго такого не сыщешь.

Пожал «оружейнику» руку, натертую до твердых мозолей.

Вечером Торобов встречался с профессором Иерусалимского университета Шимоном Брауде. Их свидание проходило в Еврейском культурном центре, где чествовали кумира российских евреев, юмориста, чьи безобидные шуточки смешили, печалили, наставляли и предостерегали евреев. Еврейские писатели, коммерсанты, ученые были странно чувствительны к этим забавным афоризмам и притчам, воспринимали юморески как священные тексты. Торо-

бову было непонятно это обожание, он не находил шутки смешными, но объяснял это дефектом своего восприятия, в котором отсутствовало какое-то важное звено.

Они сидели с Шимоном Брауде в кафе, за стеклянной стеной, сквозь которую был виден входящий в вестибюль люд. Это была еврейская элита Москвы. Блистают туалеты, прически, лица, исполненные веселья, величия или пресыщенного самодовольства.

Шимон Брауде имел продолговатую голову, на которой красовалась бархатная кипа, как чашечка желудя. Он был худ, в чопорном пиджаке, с прямым, как у дятла, носом и белыми холеными руками, на которых переливался бриллиант. Выходец из России, он прежде служил в израильской разведке Натив, которая агитировала русских евреев иммигрировать в Израиль. Занимался археологией хазарских древностей. Написал диссертацию о «еврейском факторе» в русской революции. А теперь курсировал между Москвой и Иерусалимом, искусно продвигая через еврейские круги политические интересы Израиля.

– Сейчас, Леонид, когда русские самолеты бомбят «Исламское государство», вы поняли, что террористы Хамас и Хизбаллы мало чем отличаются от террористов ИГИЛ? Ваши пристрастия к фундаменталистам дорого обойдутся России.

– Любезный Шимон, ХАМАС открыто осудил ИГИЛ, а отряды Хизбаллы сражаются под Алеппо и Хомсом вместе с армией Асада.

– В любом случае у нас с Россией обнаружилось на Ближнем Востоке общее дело.

– Один из влиятельных еврейских журналистов в Москве написал, что в этой войне не должна пролиться ни одна капля еврейской крови и ни одна капля еврейского бензина. Израиль будет делать еврейское дело русскими руками.

– Все это полемический задор, Леонид. Не более. Израильские беспилотники определяют цели для ваших бомбардировщиков. Израиль, как может, содействует вашему сближению с Америкой.

– Мы это знаем, Шимон. Мы благодарны.

Торобов не стал возражать собеседнику. Сквозь стеклянную стену видел, как мимо шел редактор крупнейшей радиостанции, которая мощно влияла на общественное сознание. Гениальный творец, он собрал на своем радио самых ярких и творческих представителей еврейской интеллигенции. Они являлись законодателями моды в политике, экономике и культуре. Создавали и разрушали репутации. Рождали интеллектуальные течения. Сложно лавировали в хитросплетениях кремлевских групп. Радиостанция была не просто средством массовой информации, но блестяще организованной партией, собирая в сгусток энергию еврейского интеллекта и вбрасывая этот расплавленный сгусток во все области русской жизни.

Редактор был мал ростом, с огромной лобастой головой, размер которой увеличивали седые всклокоченные волосы. Они развевались, трепетали, посылали во все стороны молнии электричества. Казались антенной, чуткой к бесчисленным сигналам, витавшим в мироздании. Редактор шел пылко, властно, люди расступались перед ним, сгибались в поклонах. А он шествовал, как повелитель. Торобов сквозь стекло чувствовал исходящие от него волны энергии.

– Леонид, вы прекрасный востоковед. Русская школа арабистики очень сильная. Вы знаете, Ближний Восток – это солнечное сплетение мира. Сквозь него проходят нервные волокна, кровеносные сосуды, охватывающие все человечество. Вы рассекаете крохотный сосудик в районе Ормузского пролива, и умирает вся японская экономика. Вы слышите слабый хлопок на улицах Хайфы, и начинают грохотать все орудия НАТО. Сейчас Россия вторглась на Ближний Восток, чужой для вас регион. Вы нуждаетесь в советнике, в поводе, который поведет вас по Ближнему Востоку и не даст оступиться. Таким поводом является Израиль.

– Дорогой Шимон, если Израиль – это Моисей, то он станет нас водить сорок лет и приведет в страну, где нет нефти. Поверьте, у России была и есть стратегия на Ближнем Востоке. Сейчас среди руин прежнего Ближнего Востока на глазах исчезают целые государства и фор-

мируется новый облик региона. И Россия хочет участвовать в формировании этого нового облика. Нет Ближнего Востока без Израиля, но нет его и без России.

– Ближний Восток, Леонид, – это родина пророков. Отсюда истекли три великие авраамические религии. Здесь началась мировая история, здесь она и закончится. Кто контролирует Ближний Восток, тот контролирует историю. Христиане и евреи не должны допустить, чтобы Ближний Восток контролировался исламом. Израиль этому препятствует и несет великие жертвы. Израиль действует на Ближнем Востоке, в том числе и в интересах России.

– Мы знаем этот довод, Шимон. Но поверьте, Россия сама способна защищать свои интересы. – Торобов вел этот поверхностный кафедральный диалог, где отсутствовала реальность, добываемая по крупницам разведками. Из этих крупниц складывалась мерцающая неустойчивая картина, где каждая пуля, каждый танкер нефти, каждое лукавое вероломное слово меняли всю картину.

Мимо стеклянной стены двигался дирижер изысканного струнного оркестра, мировая знаменитость, чьи виртуозы выступали во всех концертных залах мира. Он был высок, тонок, гибок в талии, с маленькой седой головой. Шел, опустив глаза и улыбаясь, позволяя собой любоваться. Чем-то напоминал скрипку – своим изяществом, хрупкостью, играющими в нем переливами красоты и печали. Его оркестр, играя европейскую классику, вносил в нее неуловимую печаль и сладостную меланхолию. Громоподобные, прилетающие из небес звуки покрывались едва заметной пылью, которая укрощала эти музыкальные бури, делала их безопасными, переносила из космоса в салоны. Даже Вагнер, с его великолепной разрушительной мощью, смирялся, становился ручным, что позволяло играть его в концертных залах Иерусалима и Тель-Авива.

Дирижер шагал, – синеватая седина, полужакрытые глаза, хрупкое движение плеч. Казался лунатиком, ступающим по канату под нежную певучую музыку.

– Вы знаете мои воззрения, Леонид. Евреи и русские – два мессианских народа. Оба верят в чудо преображения. Оба верят в духовную силу, преображающую падший мир. И падший мир мстит евреям и русским за эту веру, за ту укоризну, которая исходит от евреев и русских этому греховному миру. И вас и нас гонят, убивают, подвергают преследованиям. Среди евреев и русских больше всего мучеников за правду. Это нас роднит. Нам нужно объединиться и вместе спасти человечество.

– Как вы это видите, Шмон?

– У нас, евреев – Обетованная земля. У вас – Святая Русь. Но ведь это одно и то же! Это рай, в котором мы встретимся! И к этой встрече мы должны стремиться уже теперь. Мы должны забыть все разногласия, все исторические недоразумения и ошибки. И объявить духовный, метафизический союз евреев и русских. И мы будем непобедимы. Наша духовная встреча состоится в Иерусалиме, на Святой земле. Или в Новом Иерусалиме, под Москвой. И это не важно. Ведь Обетованная земля – это Святая Русь. А Святая Русь – это Обетованная земля.

Торобов видел, как мимо проходит известный банкир, чей банк обслуживал атомную энергетику и космическую индустрию. Банкир был тучный, круглился большой живот, на лысой голове слабо курчавились остатки белокурых волос, водянистые голубые глаза смотрели прямо перед собой, не замечая встречных людей, которые подобострастно расступались у него на пути. Он шагал грузно, переставлял тяжелые ноги. Был среднего роста, но казался огромным каменным исполином, ожившим и шагающим среди слабых и робких людей.

– Вы сказали, Шимон, о нашем духовном братстве, о встрече евреев и русских в райских чертогах. И что к этой встрече нам следует готовиться уже сейчас. Не могли бы вы, в этой связи, оказать мне услугу?

– Какую, Леонид?

– В Брюсселе, в аппарате НАТО, работает ваш друг Джереми Апфельбаум. Он специалист по «исламскому терроризму». Я отправляюсь в Брюссель. Порекомендуйте меня ему. Мне нужна его консультация.

Бриллиант на пальце Шимона Брауде метнул в значок Торобова острый луч. Словно профессор проник лучом в мозг Торобова, желая разгадать его замысел.

– Это связано со взрывом вашего самолета над Синаем? У вас задание, Леонид?

– Вы же знаете, Шимон, я давно не у дел. Меня интересуют беженцы с Ближнего Востока. Как это подтверждает или опровергает теорию о «войне цивилизаций».

– У Джереми Апфельбаума картотека террористических организаций от Индонезии до Нового Орлеана. Одна из лучших.

В вестибюле культурного центра появлялись все новые посетители. По одному или праздничными возбужденными группами.

Прошел знаменитый архитектор с длинными, до плеч, волосами. Он построил на берегу Москвы-реки великолепный ансамбль с отелями, концертными залами, библиотеками и супермаркетами. Этот центр, напротив старинного монастыря, сверкал в ночи, как огромный бриллиант. Говорили, что за основу ансамбля взят Храм Соломона и он является объектом поклонения мирового еврейства.

Появился вице-премьер, моложавый, узкоплечий, с тонкими длинными руками, которые то и дело протягивал для рукопожатий. Шел, раздаривая улыбки, никому и всем сразу. Он был противником чрезмерных военных расходов, настаивал на сближении с Западом и имел под Лондоном средневековый замок.

Прошествовали четыре хасида, одинаковые, одного роста, в черных сюртуках, черных шляпах, с черными бородами. Шли целеустремленно, как небольшой боевой отряд, не смешиваясь с пестрой толпой.

Торобов сквозь стекло чувствовал давление бесплотных энергий, которые копились в вестибюле, словно туда вносили уран. С каждым новым гостем масса урана приближалась к критической. И когда она будет достигнута, случится взрыв. Сместит земную ось, породит падение царств, поднимет вихри революций и войн. От взрыва иссохнут моря, воспламенятся города и страны. Из недр сокрушенного мира прозвучит громогласное слово о конце времен.

– Я позвоню Джереми Апфельбауму. Вы встретитесь с ним в Брюсселе.

В вестибюле поднялся радостный ропот. Все устремились ко входу, выстраиваясь двумя шпалерами, оставляя в середине пустое пространство. И в этой пустоте, как по невидимому ковру, шагал маленький круглый человек со смешливым лицом, короткими руками, озорными глазами. Позволял себя обожать, славить, принимал религиозные почести. Словно в этом маленьком толстом тельце спрятался могучий властелин, грозный повелитель, полководец несметного войска.

– Я вам сердечно признателен, Шимон. Надеюсь снова увидеться.

В тот же вечер Торобов отбывал в Брюссель. По старой традиции, напоминавшей религиозный обряд, он, на пути в аэропорт, проехал по Кремлевской набережной, восхитившись на мгновение озаренным Василием Блаженным. Храм возник, как волшебное соцветие, из которого во все стороны брызнули радуги, лучи, многоцветные искры. Словно семена, засевая удаленные пространства Вселенной. И там, где семена прорастут, среди лун и светил встанут дивные храмы. И в них станут молиться о Торобове, чтобы тот вернулся домой.

Глава 4

Торобов остановился в Брюсселе, в отеле «Рояль Виндзор», на рю Дукес. В холле в мягких креслах они сидели с Джереми Апфельбаумом, и служитель-араб в малиновом сюртуке с золотыми галунами разливал чай по маленьким фарфоровым чашечкам. Другой служитель с фиолетовым африканским лицом, в таком же малиновом сюртуке с золотыми оторочками, катил тележку, полную чемоданов. За стойкой ресепшен, под дюжиной одинаковых циферблатов, администратор, выходец из Малайзии, поглядывал на крутящуюся стеклянную дверь, в которой толклись маленькие дружные японцы. Перед входом краснел туристический автобус.

Джереми Апфельбаум был немолод, рыж, с седыми висками, отчего волосы казались небрежно покрашенными. Лицо сплошь покрывали веснушки и желтоватые пигментные пятна, словно сквозь кожу сочилась ржавчина. Под желтыми бровями голубели прозрачные детские глаза, окруженные белыми ресницами. Из расстегнутого ворота выглядывал розовый зуб, который колыхался, как студень.

– Я читал вашу работу с критикой Хантингтона, – произнес Апфельбаум, колыхнув зыбким зобом. – Согласен, что «война цивилизаций» – это условность, которая удобна для классификации явлений, но на нее не может опираться практическая политика государств.

– Как и парадоксальное утверждение Фукуямы о «конце истории». История замерла на одно мгновение, а потом ринулась дальше. Фукуяма уловил эту моментальную остановку, – произнес Торобов. – Но эти волны африканских беженцев – они вторгаются в Европу и производят в ней необратимые изменения. Разве это не повод развернуть борьбу за «европейские ценности»?

– До того как поступить на службу в НАТО, я работал в отделении «Рэнд корпорейшен» в Катаре, а потом преподавал в университете в Беркли. Читал курс под экстравагантным названием «Принципы управления историческими процессами». Иногда это называют «теорией управляемого хаоса». Я предложил мои модели Госдепартаменту, Совету по национальной безопасности и Объединенному комитету штабов. Мои модели применили на практике, и они себя оправдали.

– Вы хотите сказать, что наплыв арабских беженцев в Европу – это сконструированное явление?

– Я хочу сказать другое. Я называю это «эффектом квашни». Исламский мир переживает грандиозный подъем. Он взбухает, как тесто в мировой квашне. Он должен достичь невиданного могущества. И это могущество будет опрокинуто нам на головы. Будет возмездием за долгие века оскорблений и попраний. Запад готовится к этой схватке, и я дал Западу рецепты победы. Я знаю, как удержать тесто в пределах квашни.

Джереми Апфельбаум колыхал зобом, и Торобову казалось, что розовая медуза прилипла к его подбородку.

– Прежде чем исламский мир накопит в себе энергию для решающего наступления, для последней битвы халифата с гибнущим Западом, мы должны ослабить этот удар. Должны проткнуть тесто в квашне, чтобы оно осело. В этих дырах, в этих проколах исламский мир израсходует свою энергию впустую. Тесто осядет, и мы окажемся в безопасности. – Апфельбаум надувал зоб, как это делают лягушки в брачный период, издавая с помощью пузыря квакающий звук. Торобов чувствовал силу его интеллекта, способного противодействовать мировым стихиям.

– Как вы будете протыкать тесто?

– Наша цель – создавать в недрах исламского мира неутихающие конфликты, чтобы в этих конфликтах сгорела энергия возрождения, израсходовалась неукротимая мощь. Именно этим, господин Торобов, занимается НАТО, а не мнимым противодействием России. Мы

рассматриваем русских как стратегических партнеров, протыкающих вместе с нами тесто в квашне.

Фиолетовый африканец с золотыми галунами катил нагруженную тележку. Малайзиец на ресепшен разговаривал по телефону, и циферблаты распределяли время по часовым поясам. В стеклянных дверях запуталось несколько пожилых американок с седыми буклями и одинаковыми лошадиными лицами. Торобов видел, как на зобу Джереми Апфельбаума гуляют вздутия, словно там пульсировал неведомый эмбрион, который носил в себе рыжеволосый ученый.

– Мы уничтожили государства Ливии и Ирака, сконцентрированная в них энергия ушла в пустоту и продолжает догорать в топке гражданских войн. Мы нанесли удар по Сирии, и, чем бы ни кончилась борьба с Башаром Асадом, Сирии уже никогда не собраться в сильное государство, доминирующее на Ближнем Востоке. Мы покончили с «Братьями-мусульманами», самой мощной и перспективной силой исламского возрождения. Сначала заманили их во власть, а потом позволили египетской армии их уничтожить. Мы развязали войну между шиитами и суннитами, и они будут весь век воевать, истощая друг друга. Им будет не до Запада, не до нас с вами, и эта война внутри исламского мира опровергает теорию Хантингтона о «войне цивилизаций».

Зоб на горле Апфельбаума пульсировал, трепетал от вздутий. Там содрогалось неведомое существо, которое носил в себе Апфельбаум. Это существо, сокрытое во тьме чужой плоти, управляло «историческими процессами», создавало комбинации мировой политики, оплодотворяло идеями научные школы и военные центры, поднимало в воздух эскадрильи бомбардировщиков, чертило на карте мира контуры новых государств, стирая контуры старых. Торобов чувствовал эту таинственную планетарную волю. Думал, если скальпелем взрезать зоб, из него прольется желтоватая студенистая слизь и появится маленькое подвижное тельце с лягушачьими лапками, в рыжей шерстке, с немигающими голубыми глазами.

– Но ведь вы взорвали в Северной Африке сразу несколько «демографических бомб». Взрывная волна из миллионов беженцев хлынула в Европу. Старая Европа ответит на это созданием фашистских государств, а в хаосе ближневосточных конфликтов будут возникать одно за другим террористические движения.

– Это побочные эффекты. Сейчас мы убираем мусор произведенных разрушений. Наши и ваши бомбардировщики, добывающие «исламское государство», – это мусорщики, подбирающие сор.

Торобов почувствовал, что разговор достиг той заветной точки, когда можно отринуть все сложные предварительные построения и коснуться главного, ради чего он явился в Брюссель.

– Кстати, о мусоре, который мы подбираем. Шимон Брауде сказал, что вы располагаете уникальной картотекой, в которой, как в таблице Менделеева, сведены воедино террористические организации от Пакистана до Франции. Что вы знаете о Фаруке Низаре, бывшем майоре иракской военной разведки, который причастен к взрыву русского лайнера над Синаем? Его видели недавно в Брюсселе. Вам что-нибудь известно об этом?

Торобов извлек из кармана фотографию офицера с молодеватыми усиками, в мундире, с кокардой на цветастой фуражке. Протянул Апфельбауму. Тот взял, минуту рассматривал. Вернул Торобову.

– Шимон говорил мне о ваших специфических интересах. Рад был познакомиться. Мне пора. Меня ждет работа. – Джереми Апфельбаум поднялся, колыхнув зобом, и пошел к выходу, переваливаясь, как пингвин. Торобов разочарованно смотрел ему вслед. Апфельбаум дошел до стеклянных дверей, уловивших в свои прозрачные лопасти господина в длинном пальто и шляпе. Вернулся обратно.

– Возможно, я ошибаюсь. Но этот Фарук возглавляет организацию «Сейф-аль-Расул». «Меч пророка». Действует по всему Ближнему Востоку под видом торговца древностями. Он

появлялся в Брюсселе в их торговом представительстве и скоро пропал. Это в квартале Моленбек, кажется там.

Апфельбаум повернулся и пошел, исчезая в стеклянной карусели дверей, за которыми в дожде переливался Брюссель.

Глава 5

Брюссель, зимний, дождливый, отливал черным металлическим блеском, каким отливает железный метеорит.

Квартал Моленбек был полон запахов восточных сладостей, жаровен, туалетной воды, пряностей. Так пахнут улицы в старом Багдаде или Дамаске. По тротуарам двигалась смуглая толпа, женщины в хиджабах напоминали круглоголовых птиц, мужчины то и дело перебегали улицу перед радиаторами автомобилей, и водители раздраженно сигналили. Отовсюду звучала восточная музыка, женский голос, витиеватый, как арабская вязь, пел о безответной любви, о безутешной невесте, потерявшей своего жениха. Мальчишки запускали в небо сверкающих пластмассовых птиц, и те падали на крыши автомобилей, а мальчишки с криками бежали вдогонку.

Торобов шел в толпе, иногда его задевала развеянная накидка, обжигал из-под хиджаба черный огненный взгляд. Витрины маленьких магазинчиков были украшены мигающими гирляндами. В одних витринах, окруженные огоньками, лежали сладости, халва, пирожные с марципанами. В других витринах, похожие на лебедей, стояли кальяны. В третьих были вывешены образцы арабской одежды, мужской и женской. Тут же к прохожим цеплялись назойливые зазывалы, тащили в харчевни, где кормили свежей морской рыбой. В глиняных, врытых в землю печах пекли лепешки, здесь же продавали. Покупатели, обжигаясь, хватали лепешки и, не отходя от пекарен, поедали.

Район Моленбек казался куском восточного торта, который на перламутровой лопатке перенесли с одного фарфорового блюда на другое. Из Ближневосточной Азии в центр Европы.

Торобов читал вывески, большинство на арабском. Начальная школа – зеленый щит с красной вязью.

Аптека – зеленый полумесяц. Благотворительное общество – зеленый флаг с цитатой из священного текста.

Он искал магазин, торгующий предметами древности, и наконец нашел его среди других затейливых вывесок. В витрине красовался верблюд из папье-маше, окруженный мерцающими светлячками. Были разложены какие-то бусы, черепки, обломок амфоры, осколок мраморной капители. Торобов вошел, услышав над головой звон бубенца.

– Салам алейкум! – громко произнес он.

На его приветствие появился смуглолицый араб с седыми волнистыми волосами, в изысканном костюме, белых манжетах, с осанкой, какая бывает у аристократических профессоров Гарварда или у метрдотелей элитных ресторанов.

– Ваалейкум ассалам. – Араб сдержанно улыбнулся, внимательный к гостю, не обнаруживая радости. И эта едва заметная отчужденность заставила подумать Торобова, что коммерция, быть может, не главное для хозяина дело. – Что вам угодно, месье?

– Меня интересуют артефакты, которые, в силу известных обстоятельств, покидают свои традиционные места в арабских музеях. Переносятся в Европу, где их могут приобрести европейские музеи и коллекционеры.

– У нас не слишком великий выбор, месье. В основном это этнография бедуинских племен, египетская керамика, мрамор, привезенный из античных поселений Ливии.

– Мы знаем, что в результате военных действий из Пальмиры, Вавилона, Сабраты в Европу попадают статуи, капители, фрагменты римских надгробий. И их можно приобрести в вашей торговой фирме.

– Сильное преувеличение, месье. Это весьма небезопасное дело. Таможня, полиция, законы о сохранности музейных ценностей – все это ограничивает торговлю. – Араб внима-

тельно смотрел на Торобова, ожидая, как тот откликнется на этот вежливый отказ. Повернется и уйдет или продолжит настаивать.

– Я профессор Майкл Фарб, сотрудник Британского музея. В мою задачу входит приобретение для музея подобных артефактов. – Торобов подал арабу визитную карточку, подтверждающую его научный статус.

– Прошу вас. – Араб протянул Торобову свою визитку, в которой, на арабском и английском, указывалось, что ее владелец – коммерсант Нур Азиз. – Иногда к нам попадают ценности, в основном из Ливии. Но очень редко и третьего сорта. Нужен гарантированный и достойный клиент. Тогда мы можем сделать заказ нашим партнерам в Ливии, и они подберут интересующую клиента вещь. И тогда начнется сложная процедура доставки и оформления покупки.

Нур Азиз умолк, отстраненно улыбаясь. Но Торобов чувствовал, что дистанция между ними уменьшилась, и продолжал ее уменьшать.

– Я вам не все сказал, уважаемый доктор Нур. Я представляю не только государственный Британский музей, но и частную компанию, которая продает дорогую недвижимость, в основном русским. Очень богатые русские строят себе виллы и замки где-нибудь в Альпах или на Лазурном Берегу. Им хочется иметь у себя артефакты, связывающие их современные дворцы с древними культурами. Они готовы платить за это огромные деньги.

– Прошу вас, садитесь, месье Фарб, – пригласил Нур Азиз.

Торобов почувствовал, что преодолен еще один отрезок, их разделяющий.

– Мне говорили, что у вас можно приобрести артефакты из Сирии. Там идут бои и страдают античные постройки. Вы своей коммерческой деятельностью спасаете от исчезновения драгоценные свидетельства древности. За это вас не преследовать надо, а кланяться до земли.

– К сожалению, не все так считают, – скромно потупился Нур Азиз. – Однако я должен вас огорчить. С Сирией мы не работаем. Главным образом с Ливией. Там есть наш представитель.

– А что вы можете предложить?

– Сейчас, увы, ничего. Но если сделать заказ, можно, например, получить рисунки из пещер в Сахаре.

– Как, знаменитые наскальные рисунки в Тадарт-Акакус? Но ведь они нанесены на каменный монолит!

Торобов вспомнил свое посещение пещер на границе раскаленной пустыни, когда, ослепленный жгучим солнцем, тыходишь в прохладные гроты и на скальной породе неяркими красками из растертых разноцветных камней нарисованы сцены охоты, бегущие стада жирафов, картины первобытной жизни, в которой уже существовали все сюжеты более поздних времен. Женщина держит на поводке собачку, словно иллюстрация к Чехову. Два старика, мужчина и женщина, любовно поддерживают друг друга, – «Старосветские помещики» Гоголя. Все это вспомнил Торобов, слушая арабского коммерсанта.

– Но как эти рисунки можно привести из Сахары? Должно быть, копии, а не подлинники?

– Есть особая технология снятия рисунков с камня. Ткань, пропитанную особым раствором, прикладывают к рисунку. Обрабатывают раскаленным паром. Рисунок переходит на ткань. Ткань сворачивают в рулон и везут в Европу. И на стене какого-нибудь русского миллиардера появляется рисунок неолита, изображающий охоту на гиппопотамов.

– Поразительно, доктор Нур!

Торобов вдруг остро почувствовал связь между этим чинным арабом и Фаруком Низаром, чей след незрим, как след змеи на камне. Особым чувствилищем, таинственным органом, расположенным где-то в глубине гортани, он ощутил близость Фарука. словно тот сейчас выйдет из-за перегородки и предстанет перед Торобовым.

– Но как я могу сделать заказ на такой рисунок? – Торобов одолел волнение, боясь, что Нур Азиз угадает его смятение.

– Боюсь, что сейчас это невозможно, месье Фарб. Мне нужно согласовывать этот вопрос с руководителем фирмы.

– Разрешите мне выйти на него непосредственно, и я предложу ему цену, от которой он не откажется.

Зрачки араба чуть заметно дрогнули, словно бесшумно щелкнул запор и между ними возникла стена, непроницаемая, как стальная дверь. Но кое-что не успело скрыться за этой непробиваемой сталью. Как лоскут защемленного платка. Эта была Ливия. Там, в разорванной революцией стране, где грохотали пулеметы и носились отряды повстанцев, среди разграбленных римских поселений, на берегу лазурного моря, находился Фарук Низар. Его черная голова и черные сутулые плечи, пробитые попаданиями.

– Благодарю вас, доктор Нур. Вы позволите мне навестить вас еще раз?

– Буду рад, месье Фарб. – Араб, изысканно кланяясь, провожал его до дверей, звякнувших бубенцом. Выпустил на улицу, где звенела арабская музыка, пахло жареной рыбой, и проходящая женщина в хиджабе бросила на него огненный взгляд.

Он шел, обдумывая результаты визита. Таинственное, размещенное в гортани чувствительное указывало на Ливию. Туда вел след Фарука Низама, след змеи, скользнувшей по камню. Торобов заметил, что за ним следят. Араб в кожаной куртке и красном шарфе следовал за ним на небольшом расстоянии. Замирал, если Торобов останавливался. Отворачивался и рассматривал витрины, если Торобов поворачивал голову. Второй наблюдатель, тоже араб, в пальто и синей вязаной шапочке, держался в стороне от первого, не отставал от Торобова. Это была слежка, наружное наблюдение.

Торобов, не слишком взволнованный, решил оторваться. Перешел на противоположную сторону, нырнул за угол и ждал, когда оба, в красном шарфе и синей шапочке, торопливо пройдут мимо. Вышел из-за угла и зашагал в противоположную сторону. Но скоро заметил за спиной красный шарф и синюю шапочку.

Проходил мимо рыбного ресторана, у которого назойливый зазывала схватил его за рукав:

– Месье, самая вкусная рыба! Поймана утром!

Вошел в ресторан. Двинулся мимо столиков, за которыми ели рыбу, хрустели креветками, лакомились мидиями. В дальнем углу дверь вела на кухню, из которой выскакивали официанты с подносами. Нырнул на кухню, на сковородках жарилась рыба, бурлили в кипятке мидии, на доске повар мокрым ножом вскрывал брюхо серебряному сибасу. Увидел черный ход и выскользнул на дождливую улицу.

Преследователей не было. Он некоторое время шагал, окруженный многолюдьем. Но скоро за спиной обнаружился красный шарф, а на противоположной стороне – синяя шапочка.

Его преследовали опытные наблюдатели. Ему померещились в их руках рации. Слежку могли организовать люди доктора Нура. Или бельгийская полиция. Или сотрудники Джереми Апфельбаума, на всякий случай. Было впечатление, что преследователи не слишком маскировались, иначе на них не были бы одеты столь приметные красный шарф и синяя шапочка. Эта была «тревожащая слежка». Ему давали понять, что его визит в Брюссель не остался незамеченным.

Он взмахнул рукой, останавливая такси:

– Куда желает месье?

– В центр. На Гранд-Плас. – Торобов оглянулся на ускользящую улицу, где в морозящем тумане исчезли преследователи.

На центральной площади брусчатка маслянисто блестела, словно ее помазали черной икрой. Здание ратуши своей хрупкой готикой, ломкими очертаниями напоминало вафлю. Столь же хрупкой выглядит окаменелая раковина, из которой исчез моллюск. Площадь была отпечатком неповторимой, канувшей жизни и своей беззащитной красотой вызывала страда-

ние. На площади стайками стояли туристы, и экскурсоводы заученными голосами пересказывали содержание хрестоматий.

– Теперь посмотрим налево, на дома, что напротив ратуши. Каждый из этих домов неповторимо красив и носит свое имя. Дом «Пекарь». Дом «Лебедь». Дом «Оловянный горшок». И далее – «Ветряная мельница», «Золотая шляпка», «Павлин», «Медведь». И вон те розовые и зеленые – «Осел», «Дуб», «Лисенок». Как вы думаете, почему дома получили такие названия?

Торобов, не дожидаясь ответа прилежно внимавших туристов из Восточной Европы, покинул площадь.

Поколесил по окрестным улочкам, битком набитым лотками и лавками с бесчисленными сувенирами. Вышел к Писающему мальчику, перед которым толпились гогочущие туристы, норовя почерпнуть извергаемую мальчиком струю и омыть ею лицо. И вновь заметил красный шарф и арабское лицо под синей шапочкой.

Его охватило острое чувство опасности. Город был пронизан незримыми волокнами, уловлен в невидимые сети. По телефонам, по рациям весть о Торобове передавалась из улицы в улицу, из квартала в квартал. Брюссель со своей ратушей, супермаркетами, с Европарламентом и штаб-квартирой НАТО был захвачен, оккупирован. На него был надет пояс шахида, который превратит его в зловонный взрыв.

Им овладела паника. Он должен был вырваться из этого плена, исчезнуть из города, пронизанного проводками взрывателей, спастись от взрыва.

Он снова поймал такси.

– Куда угодно?

– К вокзалу!

– К Северному?

– Ну конечно!

Быстро смеркалось. Размыто горели рекламы. Встречные фары выплескивали кувшины водяного света. Торобов торопился к вокзалу, чтобы попасть в электричку и покинуть город, до того как тот превратится в грохот и пламя.

Очнулся, одолел приступ паники, который с ним случался и прежде. В Бейруте, когда израильские бомбардировщики громили район Хизболлы. В окрестностях Каира, когда вдруг подул из пустыни колючий ветерок смерти. В Багдаде, когда на город легла сусальная позолота предательства. Он был подвержен этим предчувствиям, которые, быть может, сберегали ему жизнь.

– Остановите, – приказал он шоферу. Расплатился и вышел.

Улица, на которой он оказался, была узкой, без машин. По обе стороны стояли невысокие дома, тесно, стена к стене. На некоторых горели красные, как рубины, фонари. Нижние окна домов являли собой витрины, и в них, озаренные таинственным светом, фиолетовым, розовым, изумрудным, сидели женщины, как разноцветные рыбы в аквариуме. Полуобнаженные, с пленительными улыбками, – голые плечи, чуть прикрытые груди, брошенные одна на другую ноги. Одни вязали, перебирали спицы, разматывали клубочек, поглядывая на проходящих мужчин ласковыми, зовущими глазами. Другие делали вид, что читают книгу, иные в очках, как классные дамы, чуть кивали, если видели, что кто-нибудь загляделся на них. Третьи просто сидели, выставив напоказ открытые колени, поправляли на пышной груди прозрачные лифы. Они казались русалками, живущими в перламутровых водах. Мимо окон шли мужчины – высокие чернолицые африканцы, гибкие молодые арабы, низкорослые азиаты, мелькало европейское лицо. То один, то другой поднимался по ступенькам, исчезал в дверях, и тогда женщина вставала, опускала на окно штору, и аквариум угасал, в нем меркли фиолетовые и алые отсветы. Некоторое время окно оставалось темным. Но потом дверь распахивалась, выпускала мужчину, тот торопился уйти, в окне вновь возникала женщина в переливах волшебного света.

Торобов шел вдоль окон, вдыхая запах дешевых духов, табака и едва различимого, сладковатого тления. И вдруг снова увидел красный шарф. Араб издал ему улыбался, словно радовался встрече. Торобов, скрываясь от этой ухмылки, шарахнулся в сторону, где сияла химической синевой витрина с целлулоидной красавицей. Толкнул дверь.

Женщина поднялась навстречу. Звякнула замком, уронила штору. Стояла перед ним, большая, в голубых лучах, пахнущая туалетной водой. Улыбалась сиреневыми губами, поправляла бирюзовые волосы.

Он положил на край широкого топчана сто евро, и она легко смахнула их, протянула руку, расстегивая на нем пальто.

– Подожди, – сказал он. – Садись.

Она сбросила легкий халатик, из-под которого колыхнулись большие груди и выпуклый живот. Села на топчан.

Торобов подошел к дверям и прислушался. Снаружи ровно шумела улица, слышался смех.

Женщина сидела на топчане, немолодая, с тяжелыми висящими грудями, складкой на полном животе, раздвинула ноги. Ее стопы были повернуты носками внутрь. На пальцах педикюр походил на фиолетовую гроздь винограда.

Торобов вдруг испытал прилив похоти, слепую страсть, от которой воздух остекленел и ноздрям стало горячо и душно. Захотелось толкнуть женщину, опрокинуть, чтобы она упала на топчан, груди ее развалились, колени раздвинулись, и он слепо сдирал бы с себя рубаху.

Похоть колыхнула его и ударила, словно о столб. Он очнулся, успев подумать, – недавно пережитая паника, звериное ожидание беды и эта мужская похоть разбудили в нем, казалось, навсегда забытые инстинкты, связанные с профессией, которая вновь захватила его в свое капризное русло и повлекла.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Астор.

– Здесь есть другой выход?

– Там. – Она махнула рукой на занавеску.

– Проводи.

Шлепая босыми ногами, она пустила его в коридор, куда выходили двери из других комнат и стояли какие-то ведра и щетки. Он взял ее грудь, сжал. Грудь была теплой, маслянистой, с коричневым соском.

Вышел на улицу и поймал такси.

В гостиничном номере встал под горячий душ и ждал, когда шелестящая вода смоет запах дешевых духов, табачной горечи и сладковатого тления.

Включил телевизор. На экране была сирена, мигали санитарные машины, санитары несли окровавленные носилки, беспомощно металась полицейские с автоматами. В Триполи, у полицейского участка, произошел террористический акт.

Торобов еще раз, по фразам, вспомнил свой разговор с коммерсантом. След Фарука Низара вел в Ливию. Так бабочка оставляет за собой незримую трассу, состоящую из мельчайших капель. И там, куда опускается бабочка, гремит взрыв и лежат растерзанные фугасом тела.

Торобов спустился в холл и у желтолицего малайца под циферблатами спросил:

– Не могли бы узнать, когда прямые рейсы из Брюсселя в Триполи? – Пошел собирать чемодан.

Глава 6

В Триполи Торобов поселился в отеле «Аль Махари», когда-то роскошном и фешенебельном. Там останавливались нефтяные магнаты, торговцы оборудованием, европейские дипломаты и арабские шейхи. В те годы над входом, украшенный зеленой мозаикой, красовался портрет Каддафи в полковничьей форме, с пышной кокардой. Теперь же отель потускнел, утратил лоск, обезлюдел. Там, где раньше висел портрет, оставалось грязное пятно от сбитой мозаики. Прислуга щеголяла все в тех же зеленых сюртуках, отороченных серебром, но опытный глаз мог заметить едва различимую штопку.

Триполи оставался звонким, людным, пестрым городом, в котором были почти незаметны следы войны. Лишь несколько правительственных зданий были повреждены крылатыми ракетами и чернели пустыми окнами. По улице, распугивая автомобили, прошла колонна гусеничных броневинов, и пулеметчики, стоя по пояс в люках, водили по сторонам усталыми глазами. У здания полицейского участка, где накануне произошел взрыв, стояло оцепление автоматчиков, пестрела лента ограждения.

Торобов вспоминал, как когда-то, гуляя по весеннему Триполи, забрел на рынок и у веселого белозубого торговца купил серебряный браслет с голубым камнем. Привез жене, и та радовалась подарку, любясь драгоценным обручем на своем легком запястье. После кончины жены браслет перешел к дочери, та иногда надевала восточное украшение, и вид голубого камня и белого серебра рождал у Торобова сладостную боль.

Тогда он приехал в Триполи с группой военных экспертов, предлагая Каддафи купить у России комплексы радиоэлектронной борьбы. Такие комплексы, установленные в окрестностях Триполи, «ослепляли» самолеты и корабли противника, создавали непроницаемую оборону.

Каддафи отказался от сделки. Сказал, что новые отношения с Западом исключают возможность нападения. Подобная покупка может насторожить и раздосадовать новых друзей, для которых Ливия из врага превратилась в дружеское государство. Каддафи был весел, самодоволен, по его лицу пробегала легкая судорога. Он чистил банан, снимая лепестки кожуры, резал плод серебряным ножичком, протягивал белую мякоть гостям. На его длинных пальцах с ухоженными розовыми ногтями красовался затейливый перстень из золотых сплетенных стеблей. Когда через несколько месяцев Торобов видел на телеэкране окровавленное тело Каддафи, он разглядел его мертвую руку, растопыренные длинные пальцы с золотым перстнем, который еще не успели снять убийцы.

Торобов, не без труда, отыскал на улице Авгис скромное заведение, торгующее антиквариатом. Познакомился с его управляющим, Али Хамидом, полным отечным ливийцем в очках, сквозь которые смотрели большие печальные глаза, какие бывают у робких ланей и антилоп. Для укрепления знакомства Торобов передал управляющему задаток в тысячу евро и пригласил поужинать в ресторанчик вблизи площади Ат-Таль.

Они угощались «мясом по-левантийски», остро наперченным, с испеченными овощами, и рыбой бури, пойманной утром в беспокойных морских водах. Запивали острые блюда сладким морсом, сдобренным травами. Курили кальяны, вдыхая сладкие пьянящие дымы.

– В Брюсселе доктор Нур говорил мне о возможности здесь, в Триполи, заключить крупную сделку на покупку петроглифов из пещер в пустыне Сахаре, в Тадарт-Акакус, и фрагментов античной архитектуры из Сабраты. Мы можем начать переговоры, доктор Али?

– Уважаемый господин Фарб, я не уполномочен заключать крупные сделки. Я скромный управляющий. Крупные сделки заключает хозяин нашей компании, действующей в Ливии, Ливане, Ираке, Сирии, Египте, Палестине. Все средства от подобных сделок собираются в одном месте и идут на поддержку несчастных беженцев из районов военных действий. Вы же

знаете о неисчислимых несчастьях, упавших на их головы. – Али Хамид смотрел на Торобова влажными печальными глазами, исполненными сострадания.

– Я это знаю, доктор Али. Я готов встретиться с доктором Фаруком Низаром и провести переговоры. Устройте мне эту встречу.

– Доктор Фарук был недавно в Триполи, всего несколько дней, и уехал в Ливан. Там у компании появились клиенты в окрестностях Баальбека.

– Я буду ждать, когда он вернется из Ливана.

– Он может вернуться очень не скоро. Он не извещает нас о своем приезде. Признаться, когда он был в Триполи, я даже его не видел. Между нами слишком большая дистанция.

– Но вы можете его известить, что Британский музей заинтересован провести неформальные переговоры? Повторяю, речь идет об очень больших деньгах.

– Не обещаю, господин Фарб. Но вы можете посетить Сабрату и указать фрагменты архитектуры, на которые пал ваш выбор. Мы возьмем их на учет и при первой возможности осуществим сделку.

Торобов благодарно улыбался. След змеи скользнул по камню и исчез в Ливане, чтобы обнаружить себя взрывом фугаса. Отряды ливанской Хизбаллы воевали в Сирии против ИГИЛ, и ответом Фарука Низара мог стать взрыв шиитской мечети Бейрута или у штаб-квартиры Хизбаллы.

– Вы очень любезны, доктор Али.

Торобов оглядывал ресторанный зал. Былолюдно, много молодежи. Всего несколько девушек пришли в хиджабе. Видимо, шариат медленно пускал свои корни в Триполи. Другое дело Бенгази, где исламисты строили свое «Исламское государство». Туда причаливали корабли с боевиками, сгружалось оружие, оттуда велось наступление на Триполи. Молодежь в ресторане говорила, смеялась, но не громко, вполголоса, словно недавний взрыв оглушил их и они присмирели, осторожно оглядывались.

Торобов тянул из кальяна сладкий дым, чувствуя, как прозрачнее становится воздух и ярче разгораются под потолком лампы. Али Хамид, казалось, покачивается в воздухе, и сейчас поднимется ветер и его унесет. Это было забавно, и Торобов рассмеялся.

– У меня хорошее настроение, доктор Али. Я рад нашему знакомству.

– В прежнее время я мог бы пригласить вас в музей, господин Фарб. Вы бы увидели бесценные экспонаты, рассказывающие о древней культуре Ливии. Но теперь, увы, музей разграблен, и я, кто раньше сберегал национальные сокровища, теперь участвую в их разграблении. – Печальные глаза Али наполнились слезами. Его тоже тронуло сладкое зелье кальяна, и Торобов казался ему невесомым, как воздушный шар, колеблемый ветром.

– Все-таки при Каддафи народ жил лучше, спокойней, не правда ли? Когда я ехал на встречу с вами, я видел полицейский участок, где день назад произошел взрыв. Район все еще оцеплен, и мне пришлось петлять по соседним улицам.

– Народ боготворил Каддафи, когда тот сверг короля и объявил нефть собственностью государства. Он посадил в пустыне райские сады, построил белые города, университеты и научные центры. Дети берберов уже учили высшую математику, когда их отцы все еще кочевали по Сахаре на голодных верблюдах. Так продолжалось до тех пор, пока Каддафи не сошел с ума. Говорят, колдуны заразили его страшной болезнью, когда в человека вселяется зло. Он чувствовал приближение припадков, уезжал в пустыню, подальше от глаз. Жил в шатре, ревел, как зверь. Грыз верблюжьей шерстью, она забивала ему желудок, и его рвало кровью. Из него извергались черные жуки. Он стал свирепый и беспощадный. Студенты требовали больше свободы, он арестовывал их и бросал в кислоту. Наши герои заминировали, простите, господин Фарб, они заминировали английский самолет, и он взорвался над Локерби. Мы считали их лучшими из нас. Но Каддафи, когда стал заискивать перед Западом, отдал их в руки англичан. Он поступил как предатель. Он думал, что стал другом французов, итальянцев и англичан.

Его стали принимать в Риме, Париже и Лондоне. Он стал сорить деньгами, одаривал нефтедолларами Берлускони и Саркози. Но они сначала целовали его щедрую руку, а потом убили его. Французы выследили его с вертолета и разбомбили его машину. Когда его вытащили из машины, он визжал, как собака. У него были открытые раны, и те, кто взял его в плен, мочились на эти раны. Его положили на дорогу, и ему на живот наехал тяжелый грузовик. Из него вылез огромный черный жук и убежал в пустыню. И вот теперь я тот, кто я есть. Занимаюсь расхищением драгоценностей, которые охранял всю жизнь. В меня тоже вселился черный жук.

Али Хамид плакал, отирал очки несвежим носовым платком. Торобов вдохнул сладкую наркотическую струю из кальяна. Выпустил мимо головы доктора Али голубую струю дыма.

Глава 7

«Где будет труп, там соберутся орлы. Где гремят взрывы, там пролегает путь Фарука Низара». Так думал Торобов, собираясь лететь в Бейрут. Там назревал террористический акт, туда вел след скользнувшей по камню змеи.

«Меч пророка» свистел по всему Ближнему Востоку. Рассек над Синаем русский лайнер. Пронзил парижское кафе. Сверкнул в Багдаде среди взорванной шиитской мечети. Теперь его острие приближалось к Бейруту, откуда отряды Хизбаллы уходили в Сирию, на войну с ИГИЛ.

Торобову казалось, что за ним следят. То исподволь брошенный осторожный взгляд портье. То юноша в белой накидке, следовавший за ним по пятам. Но он не покидал отель. Был готов лететь в Ливан. Но прежде, чтобы не вызвать подозрений у Али Хамида, решил посетить Сабрату, осмотреть античные руины и сделать мнимый заказ на какой-нибудь мраморный камень.

В стороне от шоссе, у лазурного моря, среди пепельной пустыни высились хрупкие золотистые колонны, пролегали мощенные плитами улицы, круглился амфитеатр, виднелись постаменты исчезнувших статуй, зарастали мхами надгробия с римскими надписями. Торобов, оказавшись в этих дивных развалинах, вдруг ощутил такой покой, такую душевную сладость, такую нежданную благодать, словно не было жестокой погони, неусыпной бдительности, недремлющих страхов. Этот золотистый город своими колоннами, резными капителями, пустынными улицами был тенью. Был видением. Был наполнен духами исчезнувших времен и покинувших землю душ. Словно кто-то божественный очертил эту землю у моря волшебным кругом, за который не проникали чудовищные бури и беспощадные схватки. За пределами этого круга шла бойня, бушевала нескончаемая революция, русские бомбардировщики пикировали на сирийские цели, шли на казнь мученики, захлебывались ненавидящие проповедники, тонули в волнах баркасы с беженцами. А здесь, в тихом солнце, светлело надгробие с полустертыми письменами, парила в небе каменным цветком резная капитель, море лизало берег стеклянными языками и тихо пела на мшистом камне малая птица.

Торобов не старался воскресить излетевшую жизнь. Не звал обратно плывущие по волнам галеоны, шумные торжища и громогласные шествия, театральные действия и курения фимиамов. Он был счастлив оказаться среди теней, самому стать тенью. Отрешиться от своей изнуренной плоти, от горьких воспоминаний, от жестоких предчувствий. Оттолкнуться от золотистого камня и полететь, воздев руки, туда, где в голубых садах гуляют блаженные мудрецы.

Он обрел развалины, фотографировал фрагменты статуй, надписи на плитах, резные листья коринфской капители. Все это он покажет Али Хамиду, чтобы больше никогда не вспомнить.

Он увидел тесаный камень, одиноко лежащий среди иссохшей травы. Это был куб со стертыми гранями, изъеденный ветром, в шелухе лишайников. На нем едва проступал знак, то ли буква, то ли безвестный иероглиф. Это был алтарь, поставленный на окраине города, недалеко от моря. «Алтарь неизвестному Богу», – восхитился Торобов, ощупывая камень. Камень был шершавый, чуть прогрет солнцем, от него в ладони текли едва ощутимые силы, таинственные волны, словно он признал Торобова, ожидал его здесь столетиями и наконец они встретились.

Торобова волновала мысль, что это тот самый алтарь, о котором говорилось в Писании. Тот камень, на котором, среди мраморных изваяний богов, не было статуи, а только трепетало сияние, предвещая великое чудо. И теперь это чудо случилось, чудо их предсказанной встречи.

Торобов опустился на колени, обнял камень, прижался к нему щекой. Кругом колыхались сухие былинки, сквозь них синело море. И Торобов стал молиться.

Молился о том, чтобы ему уцелеть в опасном походе. Чтоб его подхватили силы небесные и перенесли через моря и горы в любимый сад. Там бело от снега, сосна, посаженная женой, сжимает в зеленых объятиях шар снега. В березы, которые так любила мама, села лазурная сойка, и ему дано насладиться ее волшебной лазурью, услышать стук ее крохотного пугливого сердца. Торобов молился, чувствуя, как из камня поднимаются волны тепла.

Услышал слабый звук, словно скрипнул щебень. Поднял голову и заметил человека, который нырнул за колонну. За ним наблюдали, следили за его молитвой. Торобов поднялся и пошел прочь от алтаря, туда, где круглился амфитеатр. Заметил другого человека, перебежавшего в развалинах. За Торобовым следили, его окружали. Он быстро зашагал туда, где на двух уцелевших колоннах держался остаток фронтона. Но и там возник человек.

Торобов был в западне. Античный город заманил его в свое дивное лоно, но оказался ловушкой. Торобов побежал к берегу моря, которое выплескивало на мокрый песок стеклянные волны.

Увидел, как вдоль берега, с обеих сторон подбегают люди. Шагнул в воду, чувствуя, как холодный стеклянный язык лизнул ноги. Остановился.

К нему подбегали, тыкали в бок пистолетами, хватали за руки, заламывали за спину, защелкивали наручники. Кругом были дышащие азартные лица, захватившие добычу.

– Что вам надо? Кто вы такие? Я профессор! Позвоните в консульство!

Его толкали, выводили из развалин туда, где в низине стояли две машины и расхаживал человек с автоматом.

Глава 8

Его вырвали с корнем. Из молитвы, из лазури, из благодати. Вернули туда, где он должен был оставаться. В страх, в боль, в ежеминутное ожидание смерти, в изнурительное стремление ее избежать. Его везли не в Триполи, а в противоположную сторону, среди черной равнины, по пустому шоссе. Водитель был с темной бородкой и в португее. Сидящий под боком охранник был в кожаной курточке с кобурой под мышкой.

Машина затормозила у грязного придорожного строения, рядом с которым стоял танк, направив пушку вдоль трассы. Дорогу перегораживали бетонные бруски. За колючей проволокой расхаживали солдаты. Торобов, скованный наручниками, горько усмехнулся своему перемещению. Из нежного античного поселения с божественными алтарями и капителями его перебросили на армейский блокпост, созданный для ведения гражданской войны.

Его грубо вытащили из машины, втокнули в грязный коридор, пихнули в спину, и за ним захлопнулась дверь. Он оказался в тесной, с бетонным полом и лысыми стенами камере. Из узкой щели под потолком лился свет. На полу валялся полосатый матрас с рыжими пятнами. На стене гвоздем было начертано имя «Ахмад», как вопль осужденного. Он был в тюрьме, откуда не было выхода.

Но эта безысходность длилась мгновение. Выход был. Торобов не знал какой. Не предвидел, какая случайность его освободит и спасет. Но выход найдется. Цель, к которой он стремился, спасет его. Сила, которая направила его в опасное странствие, выведет его из каземата. Достижение цели предполагало множество напастей и злоключений, но она же гарантировала спасение. Пока она не достигнута, он находился под необоримым притяжением этой цели. Цель была той спасительной силой, которая вела его через все злоключения и напасти, приближала к себе, обещала спасение.

Он сидел на матрасе, со скованными руками, чувствуя кислый, исходящий от матраса запах. Останавливал в себе все мысли и чувства, берег их до той поры, когда они остро понадобятся. Словно впал в спячку. Спал наяву, с открытыми глазами, не видя начертанное на стене безобразное слово.

Дверь растворилась, и солдат в камуфляже приказал:

– Вставай!

Его привели в другую комнату, где стояли стол, длинная скамья, над столом красовалось знамя, черно-красно-зеленое, с белым полумесяцем и звездой. Стяг государства, которого вчера еще не было и которое сегодня имело рваные окровавленные границы.

За столом сидел офицер в чине капитана, в несвежем мундире, с лысеющей головой и усталым небритым лицом. В глазах его была болезненная желтизна, нос переломлен, а на лбу розовели пятна, оставленные ожогом. На столе лежал отобранный у Торобова айфон, английский паспорт и кипа визитных карточек.

– Садись! – приказал офицер, и солдат толкнул Торобова на скамью.

– Имя?

– Майкл Фарб.

– Я спрашиваю, настоящее имя?

– Майкл Фарб, профессор, научный сотрудник Британского музея в Лондоне.

– Что делал в Сабрате?

– Осматривал античные постройки. Я изучаю античные древности. В моем айфоне снимки, которые я сделал перед тем, как ваши люди меня схватили.

– Говори правду, что делал в Сабрате?

– Мне нечего больше сказать. Я профессор, специалист по античной истории. Спросите доктора Али Хамида, мы с ним вели переговоры.

– Мои люди видели, как ты подавал сигналы катеру. Это был катер с оружием и взрывчаткой. Бандиты из Бенгази хотели высадиться в Сабрате, чтобы осуществить террористический акт в Триполи.

– Какой катер? Никакого катера не было!

– Говори правду. Я передам тебя в контрразведку, и там из тебя по жилкам вытянут правду.

– Я говорю правду. Я Майкл Фарб, сотрудник Британского музея. Спросите у доктора Али Хамида.

Офицер кивнул солдату, и тот с размаху ударил Торобова по лицу. Торобов отпрянул, и страшный удар в живот заставил его согнуться, и он с валился на пол.

– Имя? – кричал офицер, а солдат бил Торобова ногами, в голову, по ребрам, в живот. Торобову казалось, все его нутро сотрясается, лопается, взрывается кровью и кровь готова хлынуть горлом. – Имя? Зачем подавал сигналы?

– Никаких сигналов! Спросите доктора Али!

Он слабел от ударов. Ребра хрустели. Глаза слепли. Живот страшно булькал. Теряя рассудок, ненавидя мучителей, он стал материться, по-русски, свирепо, истошно, желая укрыться в харкающем крике, оттолкнуть смерть, пробиться сквозь истязания к заветной цели, которая его сбережет.

– Сука б...ядская! Х... недорезанный! Пи...дота рваная! – Он дергал за спиной скованными руками, старался прижать к животу колени. – Е...ало ссаное!

Удары прекратились. Он лежал, хлюпая кровью. Слышал, как тяжело дышит над ним солдат. Ждал новых ударов.

Офицер молчал. Потом по-русски сказал:

– Ты русский.

Торобов видел сквозь слезы близко от глаз солдатские бутсы. Молчание продолжалось. Бутсы исчезли.

– Ты русский, – повторил офицер, – Я был в Советском Союзе. Учился в Ростов. Агроном. Люблю русских. У меня была девушка Лена. Очень любил. Русский мне делал только хорошо. Спасибо. – Все это офицер произнес по-русски, а потом по-арабски, солдату: – Уведи.

С него сняли наручники. Он лежал на ржавом матрасе в сумрачной камере. Ощупывал ребра, живот, кости ног. Все болело. Но он не был убит. Его жизнь продолжалась. Цель, которой он должен достичь, продлевала его жизнь. Фарук Низар, которого он должен отыскать и убить, не давал ему умереть. Был его хранитель. Вел через все напасти к себе. Сберегал, чтобы быть убитым.

В камеру вошел солдат и велел встать. Его посадили в машину, ту, что доставила его на блокпост. В ней находились все те же двое – водитель с бородкой и охранник в кожаной курточке с кобурой. Машина вильнула между бетонными брусками и помчалась по трассе. Смеркалось, в стекло дула пыль. Они свернули с шоссе на грунт. Колыхались на выбоинах, а потом по днищу заскребли, зашуршали стебли сухой травы. Машина встала.

– Выходи!

Торобов вышел, переставляя больные ноги.

– Вперед!

Он медленно шел, цепляясь за колючки. Отрешенно думал, что сейчас грохнет выстрел, ударит в затылок и исчезнет черная степь, низкие серые тучи, из которых дул ветер, колот песчинками щеки. И он останется лежать в мертвой пустыне, на съедение шакалам.

Он старался в последние секунды жизни вспомнить что-нибудь драгоценное, последнее, неповторимое, с чем перенесется в иное бытие. И не мог.

Услышал, как заурчал мотор. Оглянулся. Машина развернулась и, краснея габаритами, укатила. И он остался в степи, не испытывая ликования, не славя Творца, который избавил его от пули. От пули его избавил Фарук Низар, который следил за ним из низких вечерних туч.

Торобов, с трудом переступая, пошел в степь, в ее сумрак и ветер, подальше от шоссе, где его снова могли схватить. Ветер дул, и степь начинала свистеть. Мимо пронесло сцепленные травы, похожие на терновый венец. Прокатился, подсакивая, колючий шар, и его умчало в бесконечность. Пролетело что-то белое, летучее. Следом за ним другое. Это были пустые пластиковые мешки. Их становилось все больше. Сонмы мешков летели, ударяли ему в грудь, прилипали, цеплялись за колючки. Их срывало и несло дальше. Было что-то призрачное, безумное и тоскливое в этих летящих мешках. Тщета и опустошенность, бессмысленность израсходованного бытия. Мешки пронеслись и теперь летели где-нибудь в поднебесье, как стая целлофановых ангелов.

Начиналась пыльная буря. Бессчетные песчинки ударяли ему в лицо, жалили, жгли, хотели засыпать. Ветер, который дул в пустыни, был вечный, вселенский. Крутил громадное колесо, перемалывал царства, храмы, могильные склепы. В этом ветре мчались частицы разрушенных городов, остатки великих армий, прах манускриптов, пыль разоренных святынь. Этот ветер дул над землей, сметая с насиженных мест народы, обращал их в бегство, бросал один народ на другой. Он раздувал огонь революций, топил корабли, обрушивал к земле самолеты. Торобов был подхвачен этим вселенским ветром, и его несло вместе с комьями черной травы, целлофановыми мешками, облаками ядовитой пыли.

Сквозь свист степи он слышал металлический вой. В коричневом облаке зажглись два огня, как размытые солнца. Огни приближались, окруженные мутными радугами. Возник грузовик. Кузов был полон людей. Над кабиной торчал пулемет. Развевалось черное знамя с белым начертанием «Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед пророк его». Грузовик, как призрак, прогремел мимо Торобова и исчез, словно его оторвало от земли и унесло в небо.

Торобов испытал помрачение, будто в его побитом теле запоздало разорвался сосуд и залил глаза кровью. Он упал на дорогу.

Очнулся ночью от холода. Его бил колотун. По дороге приближалась машина. Остановилась, едва на него не наехав. Из кабины вышли двое:

– Гляди-ка, человек. Ты живой?

Торобов что-то промычал бессвязно.

– Откуда?

– Заблудился.

– Куда тебе надо?

– В Триполи.

– Подвезем. В кабине нет места. Полезай в кузов.

Они помогли ему перелезть через борт. Кузов был полон овец, которые потеснились и дали место Торобову. Он лег на доски, слыша, как подсакивает грузовик и шарахаются овцы. Некоторые легли, прижимаясь к Торобову курчавыми теплыми боками. Согревали его. Он благодарно, блаженно замер, окруженный кроткими бессловесными жизнями.

Глава 9

Торобов был уверен, что Фарук Низар готовит в Ливане взрывы. Хизбалла, воюя с ИГИЛ, становилась объектом ударов. Как и русский самолет над Синаем. Как полицейский участок в Триполи. Как шиитская мечеть в Дамаске. Как кошерный магазин в Париже. Удары возмездия в Ливане нанесет «Меч пророка». И надо спешить в Бейрут, предупредить друзей Хизбаллы и обезвредить Фарука.

Невидимка Фарук бежал перед ним, как призрак. Торобов, не видя его, видел пыль от его убегающих ног.

Торобов посещал Бейрут в те дни, когда израильские танки «Меркава» продвигались по югу Ливана, тесня Хизбаллу, превращая в руины города и селения. Он участвовал в доставке русских противотанковых ракет «Корнет» в боевые отряды Хизбаллы. Из Дамаска в Бейрут сопровождал легковые машины, в чьих багажниках, под горами тряпья, таились «Корнеты». Посещал тренировочные лагеря, где стрелки Хизбаллы учились управлять ракетами. Видел, как на горных дорогах загораются «Меркавы» от прямых попаданий «Корнетов». Спасался от ударов израильских штурмовиков и чудом избежал плена. В структурах Хизбаллы у него оставались друзья, и к ним теперь он стремился, желая предупредить о теракте.

В аэропорту Триполи, готовясь к долгому, с пересадками, перелету в Бейрут, он вдруг остро ощутил приближение опасности. У стойки, где регистрировали билеты и вытянулась очередь, он оглядывал пассажиров, и ему чудился среди них тот, кто под плащом, или курткой, или модным пальто опоясал себя взрывчаткой. Быть может, тот господин с курчавыми бакенбардами на горбоносом лице. Или та паломница в черном, с прорезью испуганных глаз. Или тот молодой, с напряженным взглядом араб, чья куртка на животе подозрительно раздувалась.

На борту, когда самолет взлетел и очаровательная, с тонкими чертами лица стюардесса, улыбаясь малиновыми губами, предлагала напитки, он со страхом ожидал, что в салоне раздается взрыв. Все они полетят в черноту, и рядом будет лететь с обморочными глазами стюардесса, и вокруг нее станет плескаться гранатовый сок.

Этот страх был устойчивый, Взрыв был неминуем, был направлен против него. Фарук Низар разгадал его замыслы, вычислил его маршруты и решил уничтожить. Майор был рядом, может, летел по ту сторону фюзеляжа, заглядывая в салон сквозь иллюминатор. Радостно отпрянет от самолета, когда грохнет взрыв и посыплются в ночь мертвые пассажиры.

Это ощущение смерти, которая увивалась рядом, не исчезло в аэропорту Бейрута, когда он выходил из стеклянного терминала и брал такси, ожидая грохочущей вспышки.

Он остановился в отеле «Эль Манара», в центре Бейрута, на улицах которого не утихала ночная жизнь. Катили дорогие машины, работали рестораны, сияла набережная, волновалось море, отражая золотые огни. Вставляя электронный ключ в щель замка, Торобов помедлил, ожидая, что, разнося в щепы дверь, полыхнет взрыв. А ночью, в тревожном сне смотрело на него из-под кокарды лицо майора Фарука.

Утром он стал искать контакт с друзьями из Хизбаллы. Гассан Абдулла был руководитель военной разведки, именно с ним они осваивали «Корнеты», спали рядом в блиндажах, отправляли в рейд боевые группы. Сидя в номере, через множество посредников, изыскивая полупонамеками, чтобы не вызвать подозрение своими звонками, Торобов наконец сообщил Гассану о своем приезде в Бейрут, и тот, через посредника, обещал прислать машину.

Когда он мчался по белоснежному Бейруту, мимо банков, особняков, ресторанов, вдоль зеленого, как малахит, моря, он втискивался в сиденье машины, ожидая, что по стеклам хлестнет автоматная очередь.

Его привезли в военный центр Хизбаллы. Высокий бетонный забор, железные раздвижные ворота, камеры слежения. Перед воротами пост, бетонный дот, бруски, затрудняющие

движение машин. Ворота неохотно раздвинулись, пропуская автомобиль, и Торобов оказался перед одноэтажным строением штаба. Над входом развевался флаг Хизбаллы, – желтое полотнище с зеленым автоматом Калашникова, вплетенным в арабскую вязь: «Партия Аллаха».

Перед входом его ждал Гассан, сердечный друг, боевой товарищ, при виде которого в душу Торобова пролился свет и стало светло и чисто.

– Леонид, брат мой!

– Брат мой Гассан!

Они обнялись, прижимаясь, щека к щеке. Торобов сквозь военную ткань чувствовал, какое крепкое у Гассана тело, с играющими мускулами. Неутомимое в ходьбе по горам. В перебежках, когда за спиной неподъемный тюк с боеприпасами, провизией и оружием. Когда лопата прорубает мелкий окоп и звенит и искрит о камни. Когда у товарища кровью пропитан бинт и надо его нести, укрываясь от израильских снайперов.

– Слава Аллаху, я снова вижу тебя, Леонид!

– Слава Аллаху, Гассан!

Он был все тот же, неутомимый и бесстрашный воитель. Только круглое, с кошачьими усиками лицо усохло, глаза ушли глубже в подлобье, на лбу стал заметнее шрам, начертанный маленький вензель.

– Чуть позже мы пообедаем с тобой, Леонид. Сейчас начинается торжество. Мы провожаем бойцов Хизбаллы в Сирию, на войну. Прими участие в торжестве. А потом будем разговаривать с тобой без конца, брат мой.

На плацу, на открытом солнце, в длинном ряду, без оружия, стояли бойцы. В пятнистых, зелено-коричневых мундирах, в одинаковых кепочках с козырьками. Поодаль толпились женщины, дети, родня, провожающая солдат на войну. На дощатом помосте, у микрофона, стояли командиры, мулла в пышной черной чалме, желтело знамя с зеленым «Калашниковым», в открытых ящиках тускло сияли автоматы. В отдалении виднелись грузовики с зачехленными кузовами.

Солнце светило в зените, и каждый солдат отбрасывал маленькую круглую тень. Стоял в ней, как на крохотном острове, вокруг которого волновался раскаленный воздух, жестко блестел истоптанный плац, в слезном ожидании застыла родня, зеленел брезент грузовиков. За пределами этих крохотных островков их ожидала война, смерть, страдание, и солдаты боялись покинуть эти спасительные островки, шагнуть в жестокое пекло.

Мулла читал напутственную молитву. Старый, грузный, замотанный в белую материю, с седой бородой, в которой открывался темный рот и излетал гортанный, певучий, с множеством переливов, стенающий голос.

– Во имя Аллаха, всемилостивого и милосердного!

Молитва казалась бессловесной. Была песнопением, в котором трепетали волшебные звуки, излетали не из седой бороды, не из темного рта, а из синего огненного неба. Молитва истекала оттуда, из лазури, которая проливалась на землю по извилистому прихотливому руслу. Орошала солдат.

Солдаты заворуженно слушали. Их омывала лазурь. В этом лазурном бесплотном свете они отправятся в смертельный поход, и эта лазурь сделает их бесстрашными и бессмертными. Ибо смерти нет, а есть мгновенный перелет сквозь темную, оставленную пулей точку, за которой раскрывается бесконечное пространство любви, красоты и блаженства. Солдаты, одетые в боевую пятнистую форму, сядут в грузовики, зачехленные пыльным брезентом, и отправятся в лазурную даль, где вечная благодать.

Мулла завершил молитву возгласом: «Аллах Акбар!» Солдаты единым дыханием, воздев кулаки, вторили: «Аллах Акбар». И этот возглас пророкотал и умчался.

Говорил Гассан. Страстно, истово, с множеством певучих вибраций, как дрожащая струна, по которой водят смычком.

– Во имя Всевышнего, всемилостивого и милосердного. Мы – Партия Аллаха, и нашими путями водит Всевышний. Он освящает наше оружие, наши пули, наши подвиги и наши смерти на поле брани, которые вознесут нас к праведникам. К тем нашим братьям, которые взрывали себя под гусеницами израильских танков, умирали под пытками в израильских тюрьмах, чьи имена высечены на граните в Пантеоне Славы и усыпаны белыми лилиями. Мы идем в Сирию, на помощь нашим братьям, которые помогали нам все эти годы, снабжали оружием, лечили в своих лазаретах. На них напал шайтан, взращенный Америкой и Израилем, шайтан, который кощунственно взял себе имя Первого халифа, великого пророка. В этом лживом обличье шайтан сжигает сирийские города, насилует сирийских женщин, оскверняет святыни. Там, под Алеппо и Холмом, мы будем сражаться плечом к плечу с нашими иранскими братьями, и наши знамена будут развеваться рядом, наши автоматы будут стрелять в одну и ту же сторону. Мы отбили израильские «Меркава» под Бинт-Джебейлем, мы отобьем слуг шайтана под Алеппо. Над нами Всевышний, с нами наши павшие герои, с нами наши братья из Ирана и Сирии. С нами Россия, бесстрашные самолеты которой громят ИГИЛ. С нами наш русский брат Леонид, который доставлял нам «Корнеты», и мы жгли ими танки врага. Теперь он привез нам привет от великого русского народа. Аллах Акбар!

Его голос тонко взмыл, словно струна готова была оборваться. И мощный рокот солдатских голосов вторил:

– Аллах Акбар!

Торобов был взволнован. Его приняли в боевое братство эти молодые отважные люди, которые шли умирать за божественную лазурь. Ту, что сверкнула на крыле улетающей сойки. Он был с ними в одном строю, стоял на крохотном островке полуденной тени и был готов ступить, как и они, в раскаленное пекло войны. Он был им благодарен, был для них брат, был готов разделить их долю вдали от родных снегов, среди пустынь, оливковых рощ, изумрудных мечетей.

Гассан, все еще не остыв после своего воззвания, дергал кошачьими усиками, горел круглыми яростными глазами. Приказал:

– Оружие разобрать!

Солдаты, маршируя на месте, по одному приближались к помосту. Каждому вручал автомат. Солдат припадал губами к вороненому металлу, а потом целовал желтое знамя и начертанный на нем зеленый «Калашников». Торобов смотрел на молодые смуглые лица, на восхищенные глаза, шепчущие губы. Старался запомнить, словно им предстояла встреча, здесь ли, среди дымных окопов и окровавленных лазаретов, или там, где цветут неувядаемые цветы, сияет негасимая лазурь.

Когда последний солдат поцеловал знамя, отступил и полотнище продолжало колыхаться, Торобов почувствовал, как жарко стало в груди, наклонился к знамени и поцеловал туда, где к полотнищу прикоснулось множество молитвенных губ.

Грянула музыка, победный марш Хизбаллы. К солдатам через плац побежали дети, вручая каждому белую лилию. Солдаты под военную музыку, блестя автоматами, белея лилиями, шли к машинам, грузились. Полы брезента падали, скрывая солдат. Машины, рыча, покидали базу. Торобов не знал, почему подступили слезы. Смотрел, как исчезают зачехленные грузовики и лежит на плацу оброненный белый цветок.

– Теперь, брат Леонид, мы пообедаем, и у нас будет время для братской беседы. – Гассан, еще полон волнения, словно в нем продолжала звучать певучая струна, вел Торобова к машине. И у того, после минут самозабвения и молитвенной печали, вдруг снова потемнело в глазах. Он испытал страх, приближение опасности. База была окружена бетонным забором. На посту стояли автоматчики. Каменные бруски преграждали путь к воротам, и шальная машина с взрывчаткой не могла бы сквозь них прорваться. Но взрыв целил в него из неба, из солнца, сгушал небесную синеву в черное жерло, превращал в трубу гранатомета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.